

ТАРТУСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

С.К.БУШМАКИН

ФОНЕТИЧЕСКИЕ И МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
СРЕДНЕВОСТОЧНЫХ ГОВОРОВ УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА

(666 - финно-угорские языки

(Диссертация написана на русском языке)

А в т о р е ф е р а т

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Тарту - 1971

Работа выполнена на кафедре удмуртского языка и литературы
Удмуртского государственного педагогического института
имени 10-летия УАО

и

в Отделе географических названий и картографической науч-
ной информации Центрального научно-исследовательского ин-
ститута геодезии, аэросъемки и картографии ГУГК при Совете
Министров СССР

Научный руководитель - заслуженный деятель науки РСФСР,
кандидат филологических наук доцент А. А. Поздеева

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, проф. П. А. Аристе
кандидат филологических наук Т. И. Тепляшина

Ведущее учреждение: Институт языка и литературы
АН ЭССР, сектор финно-угор-
ских языков

Автореферат разослан " 18 I 1972 г.

Защита состоится " 18 " II 1972 г.

на заседании Совета историко-филологического факультета
Тартуского государственного университета (г. Тарту,
улица Юлиусоли, 18, главное здание университета).

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библио-
теке Тартуского государственного университета.

УЧЕНЫЙ СЕКРЕТАРЬ ТГУ

И. Маарас
(И. Маарас)

Октябрьская социалистическая революция, освободившая удмуртский народ, как и другие мелкие народности, от политического, социального и национального гнета, открыла широкую дорогу для создания и развития новой социалистической культуры во всех ее проявлениях. Только при советской власти удмурты смогли обрести свою письменность и получить подлинные условия для развития своей материальной и духовной культуры.

Одной из составных частей национальной культуры является язык. Создание удмуртского литературного языка, его нормирование, научное исследование богатств языка, изучение удмуртских диалектов в широком плане тоже началось только после Октябрьской революции.

Изучение диалектов, выявление их фонетических, морфологических и лексических богатств способствует обогащению общенародного литературного языка, а также помогает выяснить многие исторические процессы развития языка в целом.

Говоры удмуртов, проживавших в восточной части средней полосы современной Удмуртии, до настоящего времени не были предметом специального исследования. Эти говоры, сформировавшиеся в процессе консолидации удмуртов северных, южных и частично западных районов, утратили многие языковые черты тех и других, в то же время приобрели специфические фонетические, морфологические и лексические своеобразия, свойственные только этим говорам. По многим языковым особенностям, особенно по количеству и качеству фонем, они близки к литературному языку.

Реферлируемая диссертация посвящается монографическому описанию фонетических и морфологических особенностей средневосточных говоров удмуртского языка. Описание фонем проводится в свете экспериментальных данных (рентгенографирование, палатографирование и киносъемка положения губ). Лексические особенности описываемых говоров не подвергаются специальному исследованию, но они отражаются в собранном нами словаре и текстах, прилагаемых в качестве приложения к диссертации отдельным переплетом.

Средневосточными условно называются говоры удмуртов, проживающих в большинстве селений Якшур-Бодьинского и Шарканского районов, по территориальному их расположению (в восточной части средней полосы Удмуртии). Эти говоры объединяют более 34 тысяч удмуртов, проживающих в 142 населенных пунктах (по сведениям переписи 1959 г.). Данная территория представляет собой компактные ареалы заселения удмуртов с незначительным русским населением в основном в смешанных селениях.

На основании общих фонетических, морфологических и лексических особенностей все говоры указанной территории объединяются в одну группу, в то же время по ряду особенностей выделяем два говора (якшур-бодьинский, шарканский) и два подговора (сосновский вишурский^{XI}).

XI В дальнейшем изложении эти названия даются в следующих сокращениях: як.-бод., шарк., сосн., виш.

Названия говоров и подговоров даются по основным населенным пунктам их территорий (села Якшур-Бодья, Шаркан, Сосновка и деревня Заречный Вишур).

Говоры средней полосы Удмуртии являются переходными, промежуточными между северным и южным наречиями, в какой-то степени вооруженными чертами тех и других. По этим соображениям автор диссертации считает более целесообразным называть их не отдельным диалектом, а говорами.

Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения и приложений (отдельный переплет).

Во 'Введении' (стр. 1-40) определяется территория говоров, количественный состав их носителей, дается краткая история изучения описываемых говоров и других диалектов удмуртского языка, краткий очерк истории заселения указанной территории и формирования средневожосточных говоров. Во введении же ставится проблема исследования, указывается, на каком материале проводится анализ языковых особенностей этих говоров.

Территория распространения средневожосточных говоров, представлявшая в прошлом сплошные лесные массивы, по сравнению с остальной территорией обитания удмуртов заселена позже выходцами в основном северных, южных и в меньшей степени западных районов путем постепенного их продвижения к средневожосточной территории. Об этом свидетельствуют материалы историко-этнографических, переписных документов, а также данные топонимии и преданий, бытующих в народе или зафиксированных в этнографической литературе.

Заселение описываемой территории начинается с начала XVII в., а интенсивно лишь во второй половине XVIII и первой половине XIX вв. Так, в первом из дошедших до нас переписном документе 1615 г. на всей территории описываемых говоров зафиксировано всего одно селение Узга (3 двора) с чисто удмуртским населением. Дальнейшую картину заселенности данной территории показывают следующие данные: в 1646 г. наличествует 5 селений, в 1678 г. - 9, в 1717 г. - 15, 1811 г. - 74, 1834 г. - 87, 1858 г. - 90, 1874 г. - 96, 1877 г. - 123, 1890 г. - 146, 1955 г. - 155, 1959 - 153, 1965 г. - 152 (из них 142 с чисто удмуртским населением населенных пункта X).

X) Удмурты, татары и бесермяне Каринского стана Хлыновского уезда в 1615, 1646, 1678 гг. см. П.Н. Лушпов, Документы по истории Удмуртии XV-XVII вв., Ижевск 1958, стр. 189, 244-245, 325-328.

Ландратная книга населения Каринской волости Слободского уезда (данные на 1717 г.). - Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА), фонд 350, ед. хр. 5876, листы 176-179;

Материалы переписи (реализованные сказки 1811, 1834, 1858, 1877) соответственно: Кировский госархив; фонд 176, оп. 4, ед. хр. 327, 390; фонд 576, оп. 1, ед. хр. 698; фонд 574, оп. 1, ед. хр. 723;

Материалы по статистике Вятской губернии, т. 7, Вятка 1892, кн. 2 (данные на 1890 г.);

Удмуртская АССР, Административно-территориальное деление. Ижевск 1956 (данные на 1 сентября 1955 г.), Ижевск 1965 (данные на 1 июля 1965 г.).

Начиная со второй половины XVIII в. возникают новые населенные пункты за счет отпочкования от старых селений в силу увеличения численного состава населения. В результате этого возникают новые починки и выселки в основном на краях полей старых селений, без дальней миграции. Кроме того, в этом веке и в последующее время возникают селения пришельцев с других территории, последние заселяются и в существовавших селениях взамен ушедших хозяев или умерших душ. На правах припущенников для облегчения сельскохозяйственной общине обрабатывать земли "умерших, мертвых душ" и выплачивать пошлины за них вселяются в удмуртские селения русские пришлые люди с более северных и западных (отчасти и восточных) территорий¹⁾.

Исторические документы лишь в очень незначительной степени освещают вопрос, откуда пришли первые поселенцы-удмурты на территорию средневожосточных говоров. В ревизских сказках и материалах переписи населения можно найти некоторые сведения о переселении удмуртов лишь из соседних селений на близкое расстояние. Эти сведения в основном даются по памяти народа, жившего в конце XVIII - начале XIX вв. О самых первопришельцах нигде сведений нет, исторические и переписные материалы эти сведения не дают.

Для выяснения вопроса путей миграции удмуртов в прошлом помогают бытующие в народе предания, а также внимательное изучение удмуртов по их родо-племенной принадлежности, следы которой сохранились и в наше время в памяти народа, в воршудных (родовых) именах и в топонимии.

У удмуртов еще в глубокой древности выработались прочные традиции почитания родового гения - воршуда, и, как святыню, сохранять свою родовую принадлежность. Одним из существенных средств сохранения родовой принадлежности по женской линии являлось то, что собственное имя у девушки-удмуртки сохранялось лишь до замужества, а после замужества она всем родством по мужской линии и населением данного селения (особенно если выходила замуж в другое селение) назы-

1) Г.Е.Березагин, Общинное землевладение у вогажков Сарапульского уезда. - Вятка, 1895 (Отдельный оттиск из "Календаря Вятской губернии" за 1896).

важась родовым, объединенным именем. Прочитав традицию помнить и считать свое родовое принадлежность и своею родового сожительства Воршудна пишет и этнограф М. Худяков, который удмуртов считает почти единственным народом, сохранившим в такой полноте свое родовое деление и удержавшим в памяти судьбу каждого рода. Автор справедливо замечает, что ... обилие родовых воспоминаний дает возможность проследить судьбу отдельных родов, а вместе с тем и всей вотской народности, вплоть до глубины веков, давно позабытых другими народами¹⁾. Беседы с удмуртами разных территории современной Удмуртии, особенно Шарканского и Икшур-Бодьинского районов, показывает, что старое поколение современных удмуртов и сейчас помнит свое родовую принадлежность, обряды кулалакульта и относят себя к тому или иному роду. Воршудные имена, таким образом, являются микроэтнонимами удмуртов²⁾.

Родовые воршудные имена как показатель родовой принадлежности широко отразились и в топонимии. Топонимы с воршудными именами являются, пожалуй, самым древним и довольно значительным по количеству слоем удмуртской топонимии. И. Н. Смирнов, изучавший историю, быт и обычаи удмуртов, пишет: "Где бы ни садились вотяки - на горах ли, диких полях или на берегу рек - они всегда садились группами, связанными между собой более или менее близким родством"³⁾. При последующих миграциях, оказавшись даже на сравнительно большом расстоянии с основного ареала обитания своего рода или в окружении иноплеменных народов, удмурты сохраняли родовую принадлежность и населенные пункты называли именем своего воршудна. А если в одном населенном пункте совместно проживали представители нескольких родов, то представители каждого рода называли своим родовым именем улицы, речки, лога, поля, луга, урочища, леса, дороги и другие

1) М. Худяков, Вотские родовые деления. - "Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете", т. XXX, вып. 3, Казань 1920, стр. 340.

2) Подробнее об этом см.: С. К. Бушмакин, Воршудные имена - микроэтнонимы удмуртов. - "Этнонимы", Москва 1970, стр. 166-176.

3) И. Н. Смирнов, Вотяки. Историко-этнографический очерк. - "Известия общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете", т. VIII, вып. 2, Казань 1890, стр. 27

микрообъекты. Народ подобных селений имел столько родовых генеалогических предков, представители скольких родовых групп проживают. Об этом в этнографической литературе имеется немало свидетельств. Куалакульт — важный атрибут языческой веры древних удмуртов — прочно сохранился в быту и сознании народа и оказывал сильное сопротивление внедрению христианства среди удмуртов¹⁾.

Изучение истории миграции удмуртов по их родовой принадлежности является не менее достоверным источником, чем подлинноисторические документы, а порой даже единственным источником. Особенно этот источник приобретает ценность у младописьменных народов, история которых весьма скудно отражена в документах.

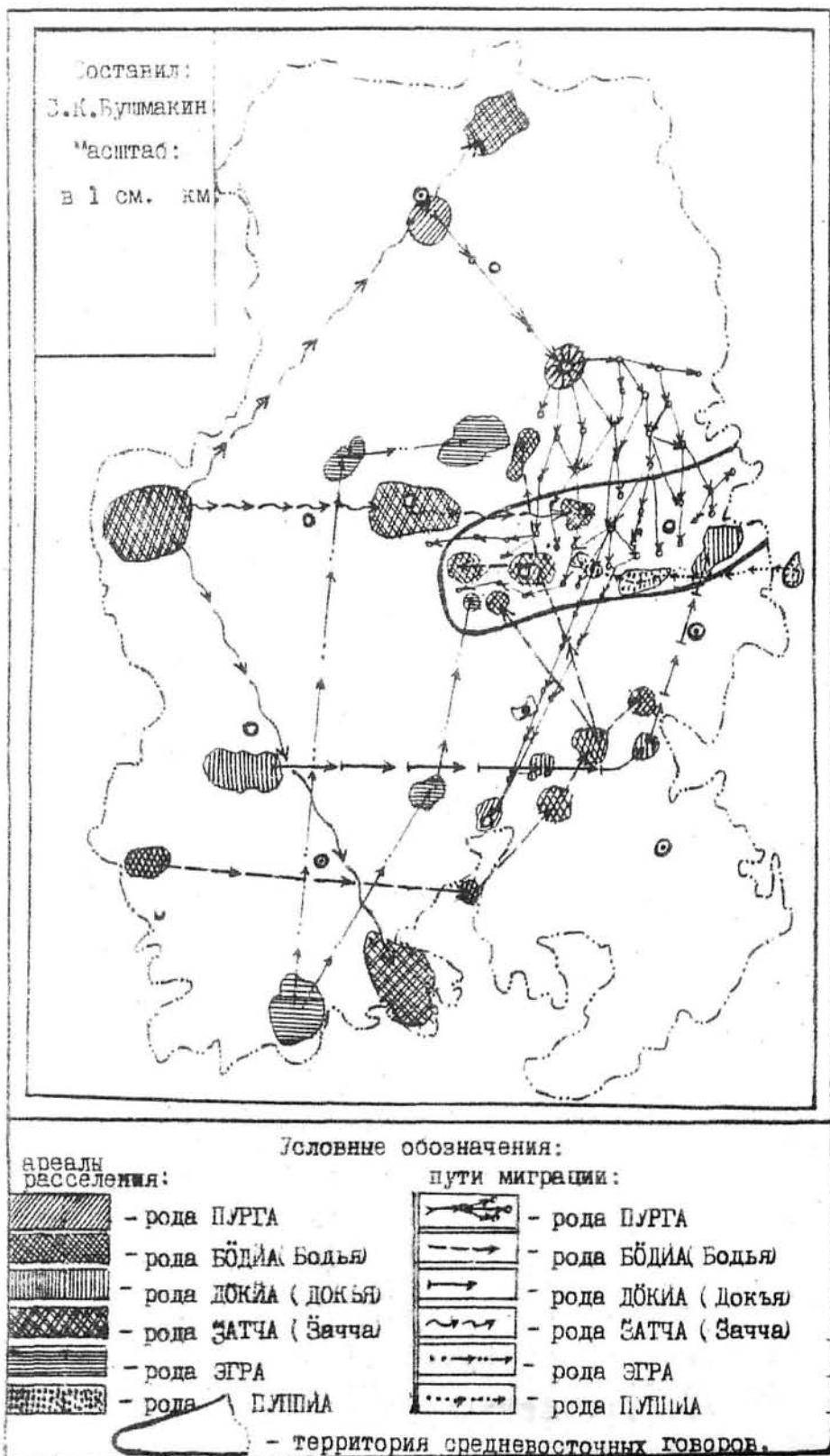
Описываемая территория заселена сравнительно поздно, но и здесь в названиях населенных пунктов или микрообъектов нашли отражение названия следующих родов, в которых проживают удмурты, относящиеся к тем родам: Бодья (орф. Бодья), Пурга, Ворча (~ Ворпа), Дюкия (орф. Докья), Кушья (Кушья), Пушья (Пушья), Занка (Зянка).

Из преданий, некоторых исторических и переписных материалов, а также топонимии известно, что первоначальное место обитания рода Бодья на территории западной части Кизнерского района, рода Пурга — на территории около г. Глазова, рода Дюкия — на территории Вавожского района, Кушья — на территории Игринского района. Но на территорию средневосточных говоров представители этих родов прибыли путем постепенного продвижения через другие районы, постепенно при этом теряя некоторые языковые особенности, свойственные их предкам. Так известно, что представители рода Пурга прибыли сюда из с. Старая Пурга и производных от него селений, Бодьянцы прибыли в селения Якшур-Бодья и другие соседние селения из д. Диньтэм Бодья нынешнего Завьяловского района, представители рода Дюкия прибыли из Вавожского района путем продвижения через территорию Завьяловского и др. районов. Не распространяясь далее в этом весьма интересном и большом вопросе, лишь в качестве выводов приведем карту-схему путей миграции удмуртов по их родовой принадлежности, составленную диссертантом.

1) П.Н.Душнов, Христианство у вотяков в 1 половине XIX в. "Труды Вятской ученой архивной комиссии", Вятка, 1911, вып. 1/2.

КАРТА-СХЕМА

путей миграции удмуртов по их родовой принадлежности

Из всего изложенного по данным историко-этнографической литературы, переписных материалов, а также сведений, сохранившихся в преданиях народа и устной памяти старого поколения людей, представителей средневосточных говоров, из приведенной картосхемы расселения удмуртов по их родовой принадлежности видно, что данная территория заселена удмуртами более северных, южных и частично западных районов, следовательно, представителями разных диалектов и говоров. Продвигаясь постепенно и в течение продолжительного времени, удмурты северных и южных диалектов из поколения к поколению утратили некоторые языковые особенности, характерные для тех и других, но в то же время в какой-то степени сохранили ряд особенностей или в чистом виде, а в ряде случаев произошла контаминация северных и южных языковых форм. Кроме того, на этой территории произошло формирование специфических явлений, свойственных только этим говорам. Самым характерным является то, что на средневосточной территории произошла некоторая нейтрализация языковых особенностей северных, южных и западных диалектов. В фонетическом, морфологическом и лексическом отношении средневосточные говоры сравнительно близки к удмуртскому литературному языку. В этом отношении описываемые говоры представляют большой интерес не только для удмуртского, но и финно-угорского языкознания. В конце введения ставится проблема исследования. Указывается, что диссертация посвящается монографическому исследованию интереснейших говоров удмуртского языка. В сравнении с языковыми явлениями литературного языка и других диалектов подробно анализируются фонетические и морфологические особенности средневосточных говоров.

Лексические особенности не подвергаются специальному анализу, но они полно отражены в прилагаемом словаре диалектном и специфическом в фонетическом отношении лексике, а также в транскрипированных текстах, записанных от представителей всех средневосточных говоров. Специфические лексические особенности и тенденции их формирования кратко излагаются в предисловии к приложению.

Во введении же обосновывается необходимость экспериментального исследования фонемного состава описываемых говоров.

Первая глава (стр.41-197) диссертации посвящена описанию фонетического строя средневосточных говоров. Глава состоит из пяти разделов. В первом разделе обосновывается выбор методов экспериментального исследования фонем описываемых говоров, указывается подбор языкового материала для экспериментов, в произношении какого шиктоса проводились элементы эксперимента: рентгенографирование, палатографирование и киносъемка положения артикулирующих органов речи. Далее следует описание каждого вида эксперимента.

Во втором разделе производится выделение и определение фонемного состава говоров, характеристика и подробное описание фонем на основе данных рентгенографического, палатографического и кинографического исследования. В связи с описанием дается дистрибутивное распределение каждой фонемы в составе слова. В качестве выводов дается таблица гласных и согласных фонем средневосточных говоров.

Вокализм говоров, как и удмуртского литературного языка, состоит из 7 гласных: а, е, э, и, ъ, о, у. Их можно представить в следующей таблице:

ряд	передний	средний	задний
подъем			
верхний	і	ѣ	у
средний	е	э	о
нижний	-	-	а

В артикуляционном отношении гласные описываемых говоров не отличаются от гласных удмуртского литературного языка. Функционально некоторые гласные средневосточных говоров имеют отличия от литературного языка. Они в основном обусловлены соседством других гласных и согласных. Так, например, гласные э и и в литературном языке

употребляются в основном только в первом слове. В средне-восточных же говорах эти гласные под ассимиляционным влиянием гласных соседних слогов могут употребляться в любом слове, особенно в суффиксальных слогах, например: *meem* (< *menim*) 'мне', *teed* (< *tenid*) 'тебе', *ukšuen* (< *ukšo+j+en*) 'деньгами', *kišuen* (< *kišnojen*) 'с женой', *ug luu* (< *ug luč*) 'кельзя, невозможно' и т.д. Под влиянием гласных *i* и *u*, а также палатальных согласных *l'*, *ž*, *v* и согласного *j* гласный *ī* в описываемых говорах употребляется реже, сужаясь под влиянием гласных *i* и *u*, а также палатального согласного *l'*. Под их артикуляционным влиянием гласная *ī* переходит в узкий гласный переднего ряда *i*: *vil'*, лит. *вьль* (*vil'*) 'новый, ново', *bertis* лит. *бертысь* 'возвращающийся', *mišis* (< *mišis*) лит. *мыньсь* 'идущий', *busie* лит. *бусне* 'в поле', *busiū* лит. *бусынь* 'на поле' и т.д.

Система согласных средневосточных говоров включает 28 фонем: *b*, *v*, *β*, *ā*, *ā'*, *z*, *ž*, *ž'*, *j*, *k*, *l*, *l'*, *ш*, *п*, *h*, *p*, *г*, *с*, *š*, *t*, *t'*, *č*, *č'*, *ž*, *ž'*. Помимо этих согласных, в речи пожилого поколения встречается звук *ɲ*, уже утративший и в их речи фонематическую функцию, но регулярно употребляющийся как звук в положении перед согласным *β* (*kuɲgan* ~ *kuɲgan* ~ *kuɲgan* 'кувшин', *tuɲgon* 'замок', *kuɲβil'c* 'кривой' и т.д.); в речи молодежи в русских заимствованных словах встречается гласные *f*, *h*, *c*, *šč* (*ш*), которые в речи старших не имеют фонематической функции, а заменяются соответственно *p*, *k*, *č*, *š*: *ronaf* 'фонарь', *pedor* 'Федор', *kimorej* 'Тимофей', *oronač* 'Афанасий', *čigan* 'цыган', *čipj* 'пыленок'. Согласный

l в средневосточных говорах имеет слабую артикуляцию, в результате чего в ряде позиций, особенно в интервокальном положении, он выпадает, например: *ašmeen* (< *ašmelen*) 'у нас самих', *appaan* (< *appalen*) 'у Анны', *marjaan* (< *marjalen*) 'у Марии'.

В начале исконно удмуртских слов совершенно не употребляется согласный *г*, лишь в речи молодежи он употребляется в русских и иных заимствованиях: радио, разведка, район. Пожилое поколение перед начальным *г*, как правило, употребляет встав-

вочный гласный \dot{i} или реже i , u : (\dot{i})*gama* < рус. рама, (\dot{i})*raj* 'рай', (\dot{i})*razvetka* < рус. разветка, *u \dot{r} uska* < рус. ручка, (\dot{i})*rumka* < рус. рюмка, (\dot{i})*risovat'tin(i)* < рус. рисовать и т.д.

Согласные фонемы средневосточных говоров можно представить в следующей таблице^ж:

Участие голоса и способ образования		Место образования	Губные					альвеолярные	палатальные	средненебные	задненебные
			губно-губные	губно-зубные	зубные						
шумные	Смычные	Глухие	p		t			t'		k	
		Звонкие	b		d			d'		g	
	Аффрикативные	Глухие		(t)	ʃ	s	ʃ'		(t')		
		Звонкие		v	z	'z	z	ʃ			
	Аффрикаты	Глухие			(c)	ʃk	ʃ'				
		Звонкие				ʒ	ʒ'				
сонорные	Смычно-проходные	Носовые	m		n		n'		ŋ/		
		Неносовые			l		l'				
	Вибранты					r					

В третьем разделе подробно анализируются фонетические явления в области гласных. Самыми характерными для средневосточных говоров являются различные формы ассимиляции гласных под влиянием палатальных согласных, среднеязычного \dot{j} и гласных переднего ряда i , e и реже оглушенных u , o . Специфическим для описываемых говоров является сужение непреднерядных гласных под влиянием согласного \dot{j} . При этом характерно то, что сам \dot{j} в большинстве случаев исчез — произошла дейотация, но следы своего бывшего наличия оставил в сужении гласных; особенно чаще гласный \dot{j} переходит в преднерядный i : *bi \dot{i} in* (< *bi \dot{i} j+j+i \dot{n}*)

ж В круглые скобки заключены согласные, встречающиеся лишь в русских и иных заимствованиях; в квадратные скобки заключен звук \dot{j} , утративший свою фонематическую функцию.

'на поле, в поле', busiam (< busi+jam) 'на мое поле', busietī (< busi+j+eti) 'по полю', vīckios (< vīcki+j+os) лит. вышкнос 'кадки'; bekšios (< bekšejos) 'бочонки', bekšein, виш. bekšīin (< bekše+j+iin) 'в бочонке'. Гласный о в позиции перед гласными а и е под влиянием того же некогда употреблявшегося вставочного j для устранения зияния (стечения гласных) переходит в ч, в виш. е, і : ukpie, виш. ukpee (< ukpo+j+e) 'в окно', vukpiam, виш. vukpeam 'на мою мельницу, на моей мельнице', ukšuen, виш. ukšeen ~ ukšien (< ukšo+j+en) 'с деньгами', kišniaškīn(i), виш. kišniāškīn(i) (< kišno+j+askīn(i)) 'жениться', bukieu, виш. bukeen (< buko+j+en) 'с дугой'.

На основе детального анализа процесса дейотации с последующим или попутным сужением соседних гласных диссертант пришел к заключению, что в силу закона дейотации на стыке основы и аффикса в словах на гласную основу появилась определенная закономерность сочетаний гласных. В первых слогах слова стали употребляться и те гласные, которые совершенно не употребляются в удмуртском литературном языке и в других диалектах. Таковыми являются гласные u и e : pišruč (лит. pišruč) 'на дереве', uę luč (лит. uę luč) 'нельзя, невозможно', keen (лит. keen) 'у жернова', keeš (лит. keeš) 'у жернова /разд. п./ и т.д. В то же время в говорах некоторые гласные совершенно не могут сочетаться, хотя в литературном языке и в ряде других диалектов эти сочетания употребляются широко. К таким относятся, например, гласный o, который не может сочетаться с гласными а, е, а также гласный j не может сочетаться с гласными o, e, e, i. В соседстве с ними, особенно в препозитивном сочетании, j переходит в і или уподобляется им, а гласный o переходит в ч, в виш. в е, і.

Под влиянием палатального согласного в гласный j закономерно переходит в і лишь в якшур-бодьинском говоре, в сосновском и вишурском подговорах переход в і происходит лишь в позиции после гласных, а в шарканском говоре сужения j ни в каких позициях слова не наблюдается.

Анализ изменения звуков в дистрибуции показывает, что в средне-восточных говорах сформировались специфические закономерности сочетаний гласных, характерных только для описываемых говоров. В заключение раздела приводится таблица сочетаемости гласных на стыке основы и аффиксов, а также на стыке слов в потоке речи.

В четвертом разделе главы подробно рассматриваются фонетические явления в области согласных. Отличительной особенностью средневосточных говоров является обильное употребление аффрикат в первом слоге слова в позиции после гласного звука: *zazeg*, лит. *zazeg* (орф. *žazeg*) 'гусь', *žezž*, лит. *žezž* ('еззы) 'ворота, калитка', *kuzžim*, лит. *kuzžim* (кузьим) 'поларок', *žajž*, лит. *žajž* (жаж) 'полка', *žuzžit*, лит. *žuzžit* (жужит) 'высокий, высоко', *žožon*, лит. *žožon* (жожон) 'толокно', *vaskala*, лит. *vaskala* (вашкала) 'древний, старинный', *šov*, лит. *šov* (шов) 'вместе, совместно', *luškes*, лит. *luškes* (лушкем) 'тайком, тайно, секретно' и т.д.

В некоторых диалектах и говорах в этой позиции употребляются только фрикативные — произошла последовательная деаффрикатизация аффрикат, в других употребляются как фрикативные, так и аффрикаты — процесс деаффрикатизации не нашел последовательного развития. Первичным и более древним считается аффрикативный вариант. Средневосточные говоры, как и все срединные, сохранили аффрикаты в более древней форме. Случаев отклонения, когда в середине слова встречаются фрикативные, в описываемых говорах очень мало.

Следующую особенность употребляемости согласных в средне-восточных говорах составляет дейотапия *j* между гласными в середине слова. *j* в этой позиции, как правило, исчез, но с последующим сужением гласных (об этом см. выше). Лишь в редких случаях этот вставочный *j* сохраняется и в описываемых говорах, а именно: а) в суффиксе *-jo* прилагательных обладания, если он присоединяется к основам с конечным гласным *-a* или *-o*: *šemjajo* 'семейный, с семьей', *uksojo* 'денежный, имеющий деньги', *kislojo* 'женатый, букв. имеющий жену';

б) в суффиксе инфинитива глаголов второго спряжения, основа которых оканчивается на гласные -а: *ʒaɣaɟan(i)* 'выявить, разолачить', *ʒaʒkaɟaʒkɪn(i)* 'расцвести, зацвести' и т.д.

Звонкие согласные в абсолютном конце слов сохранились лишь в якутско-оленском говоре, в тарканском все звонкие согласные в этой позиции оглушаются. В сосновском и вишурском подговорах они произносятся полувозько. В якутско-оленском говоре звонкость сохраняется за счет краткого, еле уловимого $\dot{\text{z}}$ -образного па-звука и участия при их произнесении голосовых связок.

Далее детально анализируются различные виды ассимиляции согласных по звонкости-глухости, по палатальности, по способу и месту образования. Самое широкое и последовательное развитие получила в описываемых говорах ассимиляция по звонкости-глухости с преобладанием ассимиляции по глухости. Автор уверенно приходит к выводу, что артикуляция глухих согласных более энергичная, более устойчивая, в результате чего берет вверх над артикуляцией звонких согласных и в соседстве со звонкими оглушает особенно предшествующий ему звонкий согласный. То же явление распространяется на стыки слов в потоке речи: конечный звонкий согласный первого (предшествующего) слова перед начальным глухим согласным второго слова, как правило, оглушается.

Ассимиляция согласных по палатальности, способу и месту образования в среднеазиатских говорах получила менее последовательное развитие, чем, например, в южных и периферийных диалектах. Диссертант подробно анализирует и эти виды ассимиляции в сопоставлении с другими диалектами удмуртского языка, раскрывая природу и сущность этих видов уподобления.

Все виды ассимиляции гласных и согласных делятся на регрессивную и прогрессивную. Детальный их анализ показывает, что регрессивная ассимиляция согласных (да и гласных) получила в описываемых говорах более широкое и последовательное развитие, чем прогрессивная. На основе глубокого анализа уподобления в разных позициях, в сочетании с различными звуками диссертант приходит к выводу, что артикуляция экскурсивных звуков в описываемых говорах

четче и устойчивее, чем их рекурсия.

Ассимиляция по способу и месту образования, а также по палатальности имеет тенденцию к дальнейшему развитию, хотя в настоящее время еще не получила закономерного развития. В ряде случаев ассимилятивные и неассимилятивные варианты слов, а также ассимилятивные варианты разного направления (прогрессивного и регрессивного) в описываемых говорах используются как самостоятельные лексические единицы с разным значением, например: *pinaǰlos* 'дети' - *pinaǰos* 'молодежь' (<*pinaǰ+os*), *kuǰgozi* 'мочальная круглая веревка к мужским русским лаптям' - *kuǰkozi* 'широкая сотканная или сплетенная из шерстяных или волосяных сученых ниток веревка к удмуртским женским лаптям' (<*kuǰ gozi*).

Перединные говоры, в том числе и описываемые, имеют широкую тенденцию к сокращению слова. Пятый раздел первой главы посвящается детальному рассмотрению выпадений и вставок звуков в средневосточных говорах. Анализ проводится в сравнении с данными других диалектов, ибо закономерности и тенденции развития подобных явлений более понятны в сопоставлении с различными формами выпадений и вставок звуков в других диалектах.

Подвергнутый анализу языковой материал позволил автору сделать следующие выводы:

- а) выпадение и вставка звуков в различных своих формах является показателем фонетических закономерностей как удмуртского языка в целом, так и отдельных диалектов и говоров;
- б) выпадение звуков чаще всего обуславливается безударным их положением или сочетанием совершенно однородных звуков (при гласных), а также сочетанием разнохарактерных звуков и слогов, а в ряде позиций вялой (ослабленной) артикуляцией (при согласных), каковым является согласный *l*. Вставочные звуки в большинстве случаев появляются при адаптации удмуртами слов иноязычного происхождения для устранения неудобопроизносимых звуковых сочетаний, не свойственных удмуртскому языку. В таких случаях чаще происходит и выпадение, и вставка звуков;
- в) выпадение звуков встречается чаще, чем вставка их.

Выпадение и отпадение звуков имеет тенденцию к дальнейшему развитию. Свидетельством тому являются фольклорно-диалектологические записи финно-угроведов XIX в., в которых усеченные и стяженные формы слов встречаются гораздо меньше, чем обнаруживаются в живой разговорной речи современных удмуртов, представителей не только средневосточных, но и других говоров;

г) стяженные формы слов в определенных условиях из самостоятельных лексических единиц (лексем) превращаются в словообразовательные или словоизменительные аффиксы.

Во второй главе (198-349стр) диссертации рассматриваются морфологические особенности описываемых говоров. В средневосточных говорах выделяются, как и в литературном языке, 10 частей речи: имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, местоимение, глагол, наречие, послелог, союз, частица, междометие. Каждой знаменательной части речи посвящается отдельный раздел, служебные слова (послелог, союзы и частицы) объединены в один раздел; междометия, представляющие собой специфические слова в языке, выделены в особый раздел.

Для обеспечения системности в описании грамматического строя средневосточных говоров дается анализ основных категорий всех частей речи. Но особое внимание уделяется анализу специфических явлений, свойственных говорам. По мере надобности в плане аргументации многие явления даются в историческом плане. При наличии достаточного материала по мере необходимости языковые явления описываемых говоров сопоставляются с данными литературного языка, других диалектов, а также данными других родственных языков.

Имя существительное. В описываемых говорах имеется специфический аффикс множественного числа в огласовке -аа, употребляющийся после основ на гласный -а: баксааа 'огороды', акааа 'тёти', кожкааа 'дома', (j)эколааа 'школы'. В литературном языке во всех подобных случаях аффикс множественного числа употребляется с гласным компонентом -о: бакчаос, акаос, коржаос. Данный суффикс свойствен почти всем срединным говорам. Указанный вариант суффикса мн. числа считается ассимилятивным вариантом

аффикса **-os(-jos)**. В силу того, что в древнепермском и коми языках суффикс мн. ч. функционирует с гласным **а**, диссертант предполагает, что в позиции после основ существительных с конечным гласным **-а** сохранился более древний общепермский вариант суффикса мн. числа с гласным **-а**.

Падежная система средневосточных говоров немного богаче, чем в литературном языке. В некоторых населенных пунктах як.-бод. говора имеется своеобразно оформленный звательный падеж с показателем **-ow**, употребляющимся лишь после основ существительных на гласные **-о, -а, -е**. Звательный падеж от других одушевленных существительных образуется переносом ударения на первый слог слова, например: **anna** - **a-pnoow** 'Анна', при обращении, **pepe** - **pe-psoow** 'мама', **aka** - **a-koow** 'обращение снохи к старшей сестре свекрови'; **arazi** - **a-razi** 'сестра обращение снохи к старшей сестре мужа', **beška** - **be-škoow** 'обращение снохи к старшим братьям со стороны мужа' и т.д.

В описываемых говорах наиболее продуктивными являются в основном те же самые словообразовательные суффиксы, что и в удмуртском литературном языке: отглагольные **-еш, -is, -(o)n**, отыменные **-es, -os, -es** и др. Очень продуктивными являются суффиксы **-ti** (як.-бод., осн., виш.), **-ni** (шарк., частично осн.). Эти суффиксы восходят к самостоятельному слову **inti** 'место' и образуют имена существительные от глаголов со значением места работы (действия): **izanti** 'место работы', **isikonti** 'место кушанья, столовая', **vetlonti** 'место, предназначенное ходьбе'.

В говорах совершенно не употребляются суффиксы **-lik, -ci**, характерные для литературного языка и южных диалектов. Эти суффиксы являются тюрко-татарскими заимствованиями. Суффикс **-ci** в средневосточных говорах употребляется лишь с деминутивным значением, восходящим к суффиксу общепермско-угорского праязыка.

Из суффиксов субъективной оценки употребляются: **-ok, -es, -is, -i, -e, -uk**. Многие из них заимствованы из русского языка. Суффиксов с этим значением в говорах весьма мало и они малопродуктивны.

Имя прилагательное. Наряду с общеудмуртскими суффиксами сравнительной степени *-ges, -ges* в описываемых говорах употребляются слова-суффиксы *-žik* и *žožja*. Первый из них усиливает наличие качества, а второй — уменьшает, например: *šeber* 'красивый' — *šeberges* 'красивее' — *šebergezžik* 'еще более красивее'. Для выражения усиленной сравнительной степени употребляется с суффиксом *-ges* еще *-ges* : *šebergezges* 'еще более красивее, чем обычно красивее'; суффикс *-žik* в роли сравнения употребляется лишь с прилагательными, уже оформленными с одним из суффиксов *-ges, -ges*. В прочих случаях этот суффикс-слово выполняет роль усилительной частицы.

Употребление слова-суффикса *žožja* ограничено лишь прилагательными, обозначающими вкусовые качества, меры длины и ширины (но не вообще пространственные признаки): *šegžožja* 'менее, чем менее солоноваты', *vakšigežžožja* 'менее, чем менее коротки'. Данный суффикс восходит к самостоятельному слову *žož* 'горе, обида, недостаток' в форме падежа соответствия (адвербиаль). Это слово, выражая идею недостатка, в языке говоров используется в роли суффикса усиленной меньшей степени или неполноты качества. Но употребление его имеет тенденцию к дальнейшему развитию.

Превосходная степень имени прилагательного в описываемых говорах, как и в литературном языке, не получила морфологического оформления. Выражается она сочетанием форм позитива или компаратива имени прилагательного с усилительными частицами и различными наречиями, например: *va-moj* 'самый' (*va-moj šmoj* 'самый, очень хороший'), *ukir* 'чрезмерно, чересчур' (*ukir lek* 'очень /чрезмерно/ сердитый'), *otščit* 'слишком' (*otščit širit* 'слишком твердый'), *tuž* 'очень' (*tuž juž* 'очень сильный'), *šida-ntem* 'очень, неудержимо, нетерпимо' (*šida-ntem više* 'невыносимо сильно, очень сильно болит').

Кроме того, в говорах употребляются выразительно-образительные слова с определенными прилагательными для усиления степени качества: *tij* 'огонь' (*tij-1 kužit* 'очень соленый, букв. как огонь

соленый; как огонь, жгуче соленый'), kort 'железо' (ko-rt kezjt 'как железо, холодное, стывое, букв. железо холодное'), šuži 'дурак, дурной' в смысле 'слишком, чересчур' (šuži l'ek 'чрезмерно /очень/ сердиты, букв. до бешенства сердиты', 'истеричный') и т.д. Этот способ образования суперлатива в говорах имеет тенденцию к дальнейшему развитию.

Прилагательные от других частей речи образуются при помощи суффиксов -la, -ala, -(j)o, -tem, -jem, -es. Со значением ослабленной степени или неполноты качества имени прилагательные образуются от основ прилагательных же с помощью суффиксов -ales, -šit, -přt, -přtjem, -kišjem, žožja. Суффикс přt восходит к послелогу přt 'через, сквозь', а слово-аффикс žožja - к слову žož 'горе, обида, недостаток' в форме падежа соответствия (адвербиаль). Суффикс kišjem употребляется лишь с прилагательными, обозначающими масть, оттенки цветов волосного покрова животных или волос, бороды, бровей человека. Круг лексем, с которыми употребляется данный суффикс, весьма ограничен: šetkišjem 'темный, чернобровый', tet'ikišjem 'белобровый', 'светлый' (масть), gortkišjem 'рыжеватый' (только о масти животных).

Имя числительное. С количественными числительными, как правило, употребляются имена существительные в форме единственного числа. Лишь имена существительные, обозначающие действующее лицо, употребляются во мн. числе: kramin dišetkišjos t(i)ros jurttizij kolkožijli tje age 'тридцать учащихся оказали большую помощь колхозу, букв. много помогли'.

В средневосточных говорах в роли числительного приблизительного счета употребляется и сочетание числительного odig 'один' в полной и стяженной форме odig-og в смысле 'один-два'. Это сочетание в свою очередь употребляется с числительным kjk 'два', обозначая при этом число до четырех, соответствуя русскому выражению 'дважды два - четыре': odigok-kjk 'примерно два-четыре, от двух до четырех'. Кроме того, используются слова pal 'один из пары' и žinj 'половина от целого': palkišno 'одинокая женщина', žinjigurt 'половина деревни /жителей деревни/', žinj ulon 'полжизни' и т.д.

В литературном языке для выражения простой дроби к количественному числительному, обозначающему знаменатель, присоединяется суффикс -мос (2/3 - куинь сизьыммос, 5/7 - вить сизьыммос). А для половинных долей имеются два способа выражения: 1/2 - одйг кыкмос и слово жыни - половина. В описываемых говорах употребляется только слово жыни 'половина'. Остальные дробные величины в говорах выражаются лишь описательно (аналитическим способом): 2/5 - vitl_i luk(i)sa kik luketez - букв. на пять деля две части; 3/10 - dasl_i luk(i)sa kuin luketez, букв. на десять деля три части. Смешанные дроби в речи среднего и пожилого поколения практически употребляются лишь с половинными долями: 10,5 (10 1/2) - das no жыни - букв. десять и половина, т.е. десять с половиной. С остальными дробными величинами практически смешанные дроби не употребляются. Таким образом, в средневожочных говорах дробные числительные совершенно не получили морфологического оформления.

Местоимение. Аппроксиматив в системе склонения местоимений имеет тенденцию к исчезновению /возможно, не получил развития, больше употребляются послеложные сочетания: monlan ~ mon dinan, mon palan 'по направлению ко мне', aste pala ~ astelan ~ aste dine 'по направлению к вам самим', kin ke pala ~ kinkelan ~ kin ke dine 'по направлению к кому-то'.

В средневожочных говорах гласный о основы личных местоимений 1-го и 2-го лица ед. числа в родительном (генитив), разделительном (аблатив) и дательном (аллатив) падежах, а также гласный компонента киче неопределенного местоимения киче ке 'какой-то' определительного ко.ткиче 'всякий', отрицательного nenokиче по 'какой-то, какой-либо' переходят в э, хотя факультативно (но редко) употребляются и формы с гласным i : kece ke ~ ко.ткиче ~ nenokиче по

В дательном падеже личных местоимений 1-го и 2-го лица ед. ч. выпадает согласный компонент -ц, а в разделительном (аблатив) падеже - и целый слог ne. Оставшийся гласный i (дательный п.) уподобляется гласному e : meem (< menim) 'мне', teed (< tenid) 'тебе'; mestim (< menestim) 'у меня (аблатив)

В записях Т.Г.Аминоффа встречаются полные и краткие, а также ассимилированные и неассимилированные формы, что свидетельствует о том, что уподобление гласных и выпадение согласного *n* — явление более позднего времени. В генитиве, аблативе и дативе мн. числа всех трех лиц местоимений усилительно-личного разряда элемент *l* суффиксов *-len, -les, -li* выпадает: *asmeen* (< *asmelen*), *asteen* (< *astelen*), *asseen*, *asmewi*, *-i* 'у нас, у вас, у них самих; нам самим'.

В якутско-бодьинском говоре употребляется любопытная форма указательного местоимения *sinso ~ sonso* 'вот тот (дальний пространственно или родственно)'. В этом говоре наметилась определенная тенденция дифференциации пространственной соотнесенности предметов (явлений) и выделения людей из мира предметов.

Во всех описываемых говорах произошла контаминация северной и южной форм в суффиксе винительного падежа местоимений 1-го и 2-го лица мн. числа личных и усилительно-личных местоимений: *milēmdiz* (< *milēmdi+iz*) 'нас', *asmediz* (< *asmedi+iz*) 'нас самих'; *tilediz* (< *tileddi+iz*) 'вас', *astediz* (< *aste+di+iz*) 'вас самих'. В говорах широко употребляются русские заимствованные элементы местоименной лексики.

Отрицательные местоимения образуются с суффиксами: *no* (пре- и постпозиционно) *nokin ~ nokin* *no* 'никто', *nokeše ~ nokeše* *no* 'никакой', *no-* (*nokin ~ nenokin*) ПЛЮС постпозиционно *no*: *nokin no ~ nenokin* 'никто', *nokeše ~ nokeše* *no* 'никакой', *nokeša ~ nokeša* *no* 'несколько', *no-* ПЛЮС постпозиционно *no*: *nenokin ~ nenokin* *no* 'никто', *nokeše ~ nokeše* *no* 'никакой', *nokeša ~ nokeša* *no* 'несколько'. В литературном языке отрицательные местоимения образуются лишь с префиксом *no*: *nokin*, *nokeše*, *nokeša*. В записях Т.Г.Аминоффа, произведенных в 80-х годах XIX в., формы с *no-* и *nen-* не нашли отражения. По всей вероятности, эти формы развились в среднеазиатских говорах позже под влиянием русских форм: *никто*, *ничто*, *некий*, *несколько*.

Как видим, даже в области местоимений, по своей природе являющихся более устойчивой частью речи, произошли изменения.

Глагол. Как и в литературном удмуртском языке, в средневосточных говорах глагола имеют три наклонения (изъявительное, условное и повелительное), всего одиннадцать форм времени (в литературном девять): настоящее, прошедшее (9 форм) и будущее. Особенность говоров составляет наличие большего количества, чем даже в литературном языке, форм прошедшего времени. Их насчитывается по девяти: две формы простого прошедшего и семь форм сложного прошедшего: первый плюсквамперфект, первый плюсквамперфект абсентива, второй плюсквамперфект, прошедшее многократное, прошедшее многократное абсентива, прошедшее длительное, прошедшее длительное абсентива (по терминологии Б.А.Серебряникова, см. его работу 'Категории времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп. М.1960, стр. 121-133). Кроме этих форм, наличных в литературном языке, в говорах употребляются еще две формы сложного прошедшего времени, состоящие из безличной формы основного глагола и вспомогательных глаголов *val*, *vilem*. В первой форме вспомогательный глагол во всех лицах мн. числа принимает личные окончания (*mi minono viliskemši, ti minono vilemši, voro minono vilemzi* 'нам, вам, им надо было идти /ехать/, оказывается'). В этой форме личное окончание принимает и 1 л. ед. числа (*mon minono viliskem'šim* 'мне надо было идти, оказывается'). Во второй форме личные окончания принимают все 3 л. основного глагола и употребляются оба вспомогательных глагола *val*, *vilem*:

1 л. <i>minonomi val, vilem</i>	' нам надо идти; нам надо было
2 л. <i>minonodi val, vilem</i>	' вам надо идти; идти, оказывается.
3 л. <i>minonozı val, vilem</i>	' им надо идти; надо было идти, оказывается'.

Сравнение функции первой и второй форм показывает, что первая форма выражает модальное значение долженствования, необходимости совершения действия с оттенком сожаления того, что действие осталось несовершенным в прошлом, незамеченным, упущенным. Вторая форма выражает действие, которое совершалось или совершается безотносительно ко времени

Глаголы условного наклонения 2-го и 3-го лица ед. числа как и в северных диалектах, употребляются без личных форм, в южных -

личными формами, в литературном факультативно употребляются обе формы.

В средневосточных говорах категория притворного действия, которая в южных диалектах и в литературном языке выражается суффиксами -мъяск, -мтэяск, -тедъяск (орф. -мьяськ, -мтэяськ, -тедьяськ), совершенно не получила морфологического оформления. Эта категория выражается только аналитически: сочетанием основного глагола в форме причастия на -ш и вспомогательных глаголов *uige* 'старается', *kaqe* 'делает', *analkkin(i)* 'притвориться', *ule kariskin(i)* 'идеяться, притвориться тем-то, под тем-то', *šot kariskin(i)* 'в счет того-то притвориться, прикидываться', *ule analkkin(i)* 'притвориться под тем-то' и т.д. Для усиления степени притворства может употребляться еще частица *gine* ('*užam kaqe, ~ užam gine kaqe ~ užam ule analkke ~ užam ule kariske* 'притворяется, прикидывается работающим; делает лишь вид, что работает'). В говорах, как и в кукурморском диалекте, широко употребляются спаренные глаголы.

Причастия образуются с теми суффиксами, что и в литературном языке. Суффикс -is с гласным i употребляется лишь в якутско-бодьинском и вишурском говорах, в сосновском и шарканском - в огласовке с гласным -i (-isk) як.-бод., виш. *šidis* 'идущий', сосн., шарк. *šidis* 'идущий').

Деепричастия на -ку (-ки) (сев., лит.) в описываемых говорах выступают в огласовке -ki (ожн.): *šidiki* (лит. мыныку, приит. *šidiki*, сев. *šidiki ~ šidiki* 'идя; во время поездки'). Деепричастия в средневосточных говорах употребляются и с суффиксами сравнительной степени (*šutsagez dirze bite* 'больше тратит время на игру, букв. более играя тратит (проводит) время').

Словообразование удмуртских глаголов не отличается от удмуртского литературного языка. Специфичным для говоров является морфологическое освоение русских заимствованных глаголов путем присоединения к полной форме инфинитива суффикса -t, в отличие от аналитического способа с помощью вспомогательного глагола *карны* в литературном языке, например: *izušatʲin(i)* лит. изучать

картины) 'изучать'.

Наречие. Для говоров характерно то, что в них очень много звукоизобразительных, звукоподражательных и других ономастических слов. Кроме того, постоянно происходит своеобразное освоение русских слов и словосочетаний для выражения признака действия, например: *bi.ldañet* 'бесследно исчез, ушел' (< рус. был, да нет), *pal'šiči uža* 'фальшиво, лениво работает, лишь для отвода глаз делает вид, что работает' и т.д.)

Послелого. В описываемых говорах многие послелого, употребляющиеся и в литературном языке, функционируют несколько в иной огласовке, подчиняясь общей фонетической закономерности говоров. Ряд послелогов не употребляется в литературном языке, а некоторые функционируют с другим, чем в литературном языке, значением. Знаменательно то, что в послеложной системе говоров, как и вообще удмуртского языка, совершенно нет русских заимствований. Это, очевидно, связано с тем, что в русском языке нет послелогов, а есть предлоги, отличающиеся от удмуртских послелогов как функционально, так и степенью абстрагированности. Большинство пространственных послелогов серийно и еще не совсем утратило свою предметную семантику.

Союзы. Большинство союзов одинаково с литературным языком, но отдельные из них употребляются несколько в иной функции и огласовке. Для говоров характерно то, что употребляется много русских союзов, иногда в сочетании с удмуртскими союзами.

Частицы. Частицы *ugo* 'ведь', *užke* 'значит' (юж.), *iške* 'значит' (сев.), *ben* 'да' (сев.) - *bon* (длж.) употребляются в огласовке *uga ~ ugoš*, *iške*, *ben*. Вопросительная частица *šat* 'де' в литературном языке употребляется пре- и постпозиционно, в описываемых говорах - только постпозиционно. Вопросительная частица -*o* употребляется лишь с вопросительными словами (в приит. вообще не употребляется), а с остальными словами употребляется частица -*a*. В вш. подговоре частица -*o* употребляется и вместо частицы -*a*, если слово в других корневых слогах имеет гласный *a*.

В описываемых говорах совершенно не употребляется частица *šik* (чик), вместо которой используется заимствованная частица

vo-kšo (< рус. вовсе) или же ka-beп (южн. ka-bjп) 'совсем'. В этих говорах широко употребляются русские заимствованные частицы: рожа.loj~рожа.luj 'пожалуй', da.že 'даже', dak 'так, же', vet 'ведь', vot 'вот', как 'как', do.tovo 'настолько', eššo 'еще', na.što 'наверное', neboś 'небось', no.što 'неужели, неужто', sa.moј 'самый', как (j)raz 'как раз', 'точь-в-точь', to.lko 'только' и др. Иногда русские частицы, как и союзы, употребляются в сочетании с удмуртскими: l'ibo ke 'либо уж', jeśl'i so.keп 'если настолько', eššo ke 'еще только' и т.д. В як.-бод. говоре особенно широко употребляется русская частица -ко, чаще в сочетании с удмуртской -ай (aj).

Междометия в говорах отличаются наличием многочисленных выразительно-образительных и подражательных слов для выражения различных чувств, переживаний и т.д. В диссертации подробно они рассматриваются по выражаемым ими значениям.

В "Заключении" (стр. 350-364) дается краткая характеристика особенностей средневосточных говоров в целом, отмечаются языковые особенности, объединяющие все эти говоры, и явления, различающие их. Определяются, какие языковые особенности являются общими с северными или южными диалектами, какие - с литературным языком, а также специфические явления, присущие только этим говорам.

Сопоставляя фонетику и некоторые морфологические особенности средневосточных говоров, диссертант пришел к выводу о том, что в целом эти говоры ближе к северным диалектам, чем к южным, хотя в них переплелись языковые особенности тех и других. Сравнение некоторых явлений, зафиксированных исследователями, в частности Т.Г.Аминобым в селе Якшур-Бодья в XIX веке, с современным состоянием показывает, что многие явления, общие с южными диалектами, в настоящее время исчезли, или произошла контаминация северных и южных форм. Это подтверждает наше мнение о том, что удмурты, представители более северных говоров, оказали большее влияние на формирование средневосточных говоров. Несмотря на то, что в говорах наличествуют особенности северных и южных диалектов (в фонетике, морфологии и особенно больше в лексике), эти говоры все же ближе к северным диалектам удмуртского языка, но ни к одному

Ульяновск, 1969, стр. 166-176.

8. Воршудные имена - микроэтнонимы удмуртов. - Этнонимы, Москва 1970, стр. 168-176.

9. Из истории заселения и формирования топонимии территорий Якшур-Бодьинского и Шарканского районов Удмуртии. - Топонимика и транскрипция (Материалы и сообщения), (в печати).

Т19350.

Подписано к печати 24/XI-1971 г.

Заказ 361. Печ. л. 1,5. Тираж 220.

Отпечатано на ротапринте ЦНИИГАиК
105264, Москва Е-264, В.Первомайская.